

В те времена укромные, теперь почти былинные ... /из В. Высоцкого/

*Б. Шапиро, Стокгольмский университет*

Странная штука - память. Ее избирательность и бесконечные провалы страшно раздражают. События моей жизни в течение 20 лет, функционирования так называемого Еврейского народного университета - аспирантура мехмата, провал на защите, защита в Стокгольме, массовый отъезд из Москвы всех и вся, две иммиграции, распад Союза, длинная череда профессиональных и личных удач и не меньшее число неудач заслоняют то, с чего собственно вся моя математическая деятельность началась (а ведь легко могла и вообще не начаться).

Придется все-таки сказать пару слов о себе. Стандартная советская еврейская история середины 70-х — начала 80-х годов: увлечение математикой; успехи на городской олимпиаде (но не выше); по глупости не пошел в математическую школу; на мехмате провал на первом же экзамене; прикладная математика МИИТ-а (института жел-дор транспорта) со всем ее джентельменским набором смешного, хорошего и глупого; многочисленные безуспешные попытки начать заниматься математикой с поездками на мехмат МГУ, где мне подобных не очень привечали руководители уважаемых семинаров (им и своих талантливых евреев девать было некуда); долгий и нудный поиск научного руководителя; организация собственного семинара-междусобойчика, зачахнувшего через год. Казалось, что ситуация безнадежная, ведь бросили математику и ушли в программирование и, как выяснилось впоследствии при иммиграции сделали далеко не самый глупый выбор, сотни и сотни способных еврейских ребят, студентов МИИТ-а, Керосинки (ин-та нефти и газа им. Губкина), пединститута и прочих довольно многочисленных “прикладных математик”. Распределение в ОКР ПКТЬ АСУЖТ МПС СССР (пусть советологи расшифруют) ситуацию не улучшило. Чувствовалось, что хватит уже выпендриваться, все равно толка не будет.

Но вдруг осенью 1980 г. мой брат Миша, тогда первокурсник все того же пресловутого МИИТ-а, рассказал мне о том, что Д. Б. Фукс, А. В. Зелевинский, А. М. Виноградов, А. Б. Сосинский будут читать лекции по математике для всех желающих (т.е. тех, кого на мехмат провалили). А таких набиралось до ста человек на лекциях Фукса, например. Естественно большинство (но не все!) — инвалиды по 5-му пункту. Поэтому вскоре по Москве поползли слухи про подпольный еврейский университет. Там я познакомился с Беллой Абрамовной Мучник (Субботовской), и все закрутилось. Белла Абрамовна тянула всю муторную и, как впоследствии выяснилось, совсем не безопасную организационную работу, стоившую ей в конечном итоге жизни, а также закупала для нас протвинями булочки с маком. Кажется бесплатно. Неужели на свои? Поскольку я был старше основного состава лет на шесть, то я держался около моего приятеля Сережи Дужина, который вел практические занятия по линейной алгебре за Виноградовым. Надо честно сказать, что несмотря на замечательных лекторов, большинство студентов быстро поняло, что им не справиться и разбежалось. Но самые стойкие и мотивированные остались, и многие стали потом профессиональными физиками, математиками (а некоторые

также бизнесменами и банкирами). Темп был слишком высок для начинающих, занятия раз в неделю, что маловато, а все ведь еще учились во всяких там Керосинках. У меня лично кроме куда-то задевавшихся концептов от двух лет участия скорее остался звон в ушах и желание учиться дальше. Уж очень привлекательной казалась высокая наука на фоне тусклой жизни рядового советского КБ. Настоящие же занятия математикой для меня начались еще только через три года на семинаре В. Арнольда, когда мне уже перевалило за 25.

Вскоре после начала лекций по математике Белла Абрамовна объявила, что у нее дома для все тех же желающих один известный физик будет читать лекции по квантовой механике и теории поля. Поскольку Сережа Дужин с семейством проживал у нее в квартире и собирался слушать лекции, а также потому, что я был уже “старый”, и мне надо срочно все наверстывать, я решил тоже ходить на физику.

В следующий, кажется, четверг в двухкомнатной квартирке Беллы Абрамовны на ул. Наметкина собралось нас человек 8-9, в основном, второкурсники и два переростка — я с Дужиным. Появился высокий жилистый седоватый слегка картавый с большим носом и подбородком человек, напомнивший мне с первого взгляда карикатуры из журнала “Крокодил” из серии “Сионизму — бой”. Это и был Миша Маринов, как он нам представился. Мише было тогда на вид лет около 45, он уже посидел в отказе и навидался всякого. Он (до подачи документов на выезд) работал в ИТЭФ-е (ин-т теоретической и экспериментальной физики) и знал великих лично. (Работа в настоящем академическом институте представлялась мне тогда, да, по-видимому, и являлась недостижимой мечтой.) Для меня он был представителем той героической эпохи, когда инородцев еще брали и в физику и в математику, и они там столько всякого понаоткрывали. Впечатление усиливалось от отдельных рассказов про Л. Д. Ландау, биографией которого молодежь тогда зачитывалась. Он говорил про свое сотрудничество с Ф. А. Березиным, и тогда я впервые услышал слово “супермногообразие” (но до сих пор толком не знаю, что это такое). С другой стороны, во время перерыва с чаепитием, он как-то упомянул про свою строительную бригаду шабашников-отказников, целиком состоящую из кандидатов и докторов наук. Времена были мутные, и непонятно было, когда и куда его выпустят. Поэтому Миша был очень аккуратен, чтобы не скомпрометировать всю систему “еврейского университета” и остальных преподавателей, в основном хорошо устроенных и тогда бесконечно далеких от каких бы то ни было отъездных настроений. Как говорится — иных уж нет, а те далече ... Лекции Миши были непростыми. Требовались познания в механике, функциональном анализе, дифференциальных операторах, дифференциальной геометрии и пр. Но мне запомнилась легкость и наглядность, с которой он объяснял основные идеи, стоящие за сложными построениями квантовой механики. Он постоянно прослеживал аналогию и отличие от классической механики, так что даже у меня часто создавалось впечатление, что я все понимаю. Помню интересные обсуждения квадратичного осциллятора и осциллятора четвертой степени и сложности в квантовании последнего. Он умудрился рассказать второкурсникам про “суперматематику” на примере грассманновой алгебры. Зачета у нас не было, и наверное зря. В виде

лирических отступлений Миша часто пересказывал на интересующие его области физики про струны и суперструны. Видно было, что ему уже очень хочется опять заняться любимой работой без идиотских помех. Он пытался изо всех сил довести нас до уровня современных исследований, но это было все-таки не очень реально при занятиях раз в неделю со второкурсниками. Так прошло года два интенсивных занятий, пока весной 82 г всех нас оглушило известием о гибели Беллы Абрамовны. Народ ходил очень и очень пришибленный, и “еврейский университет” вскоре зачах.

Последний раз я встречался с Мишей незадолго до его отъезда в Израиль у него дома. Он подарил мне несколько учебников по физике, и мы с ним долго беседовали за жизнь. Он сидел в кипе, и в нем чувствовалась сдержанная радость, что скоро на свободу. Среди моих МИИТ-овских знакомых уже кое-кто учил иврит, и отъездные мысли бушевали повсю. Вопрос - “ехать или не ехать” обсуждался в нашей среде (в то время теоретически) постоянно. Помню на стене маленький плакатик с еврейским алфавитом и на книжных полках тома Брокгауза и Эфрона, кажется доставшиеся ему по наследству. Почему-то мы говорили о физике Фейнмане, затем перескочили на вторую мировую войну. Историю, вообще, и Совдепии, в частности, Миша нал получше преподавателей марксизма-ленинизма. Другой его конек был история иудаизма и еврейского народа. Кажется, он тогда критиковал Мартина Бубера. Миша открылся мне в тот вечер с неожиданной гуманитарной стороны. Помню приятное удивление, что у Миши такая молодая и красивая жена Лиля и две чудесные дочки. Младшая все норовила забраться в большую картонную коробку, на дне которой валялись какие-то Мандельштамы с Ахматовыми. Вообще темперамента в этом семействе было явно не занимать. Но надо было прощаться ... Помню неприятный и, по-видимому, абсолютно бесспочвенный холодок по спине, когда шел от него к метро — а нет ли сзади агентов Эзопа? Больше мы не виделись, хотя, как выясняется, он не только посещал город-герой Стокгольм, но даже заходил к своему хорошему знакомому “суперматематику” Д. Лейтесу на наш уважаемый математический факультет. Да и мне во время моих неоднократных, но кратковременных визитов в Хайфу не довелось с ним пересечься. Не судьба, а жаль...

Стокгольм, 5 октября 2001 г.